

АУСЕРСКАЙ

СЛОВО
о
СЛОВАХ

СЕМІО-ЛІЧНІКІ

779

Л. УСПЕНСКИЙ

СЛОВО о СЛОВАХ

ДЕТГИЗ · ЛЕНИНГРАД · 1956

Л. УСПЕНСКИЙ

СЛОВО О СЛОВАХ

(Очерки о языке)

Издание второе

Государственное Издательство
Детской Литературы Министерства Просвещения РСФСР
Ленинград 1956

Рукопись возвращеному

Консультанту Академии наук

С позднейшими изменениями от 1956 г.,
поступившими исправлено наименование
имени первого издания.

Ленинград.

1956. 21. IV.

Чертеж.

O. N. B. Yemelyanov

Memorial, Ukraine 41 of 17

САМОЕ трудное в жизни — это менять привычки. Видимо, по этой причине люди их не меняют.

Они оставляют свои привычки в музеях, чтобы с них брали пример грядущие поколения.

Я хожу по музеям, где рыцари тычат мне в глаза свое высококачественное железо. Рыцари похожи на куколок, в которых истлело содержимое. Они стоят в картических позах, позамствованных из различных произведений Вальтера Скотта. Они стоят в тяжелых устрашающих позах победителей битв и в изящных позах победителей турниров. Рыцари заняли место в истории, расстолкав своими кованными плечами хороших людей. Доспехи были придуманы, чтобы убивать, оставаясь неуязвимыми. А хорошие люди хотели сесть и строить. Поэтому, когда их вынуждали защищаться, они защищались вилами и косами — орудиями труда. Они были простодушны и не заботились об эффективном виде оружия.

Говорят, порох был придуман для различных увеселительных целей — для фейерверков, салютов и детских праздников. Но завоеватели забили порох в патроны, в сосуды, в снаряды, в банки, в жестянки, в адские машины...

Надо сказать, что не только порох постигла такая нелепая участь. Вместо того чтобы тихо, никого не трогая, пахать трактором землю, — на его рабочие плечи нацепили триста пудов высококачественной брони и пристроили к нему пушку. Вместо того чтобы летать друг к другу в гости и сбрасывать над соседом именинные подарки, — полезное изобретение нагрузили тем же самым железом с начинкой, от которой воротит нормального человека.

Это самое железо хорошие люди добывали в поте лица своего из-под земли, воевали с коррозией, загружали транспорт. Они жгли для него уголь — древесный и каменный.

И наконец, когда был найден способ заменить человеческий труд энергией атома, — эту самую энергию горделивые генералы умудрились запихнуть прежде всего в братоубийственную бомбу.

Но у мира уже была защита. Она родилась в Октябре, она двинула против меча меч, против танка — танк, против бомбы — бомбу.

Мы не хотели этого. Нас вынудили переводить лучшее железо на танки и пушки. Мы не дали кованым плечам расталкивать нас в истории...

Но всегда, с самого начала, с тех пор, когда мы еще оборонялись вилами и косами, когда у нас почти не было винтовок, и до сегодняшнего дня, когда никакая сила нам не страшна, — мы первыми требовали только одного: мира, мирного труда. Мы требовали, чтобы порох жгли на детских праздниках, а самолеты развозили бонбоньерки.

Неужели за сорок два года нельзя было убедиться, как мы умеем владеть мечом?! Но все-таки мы хотим, чтобы человек всегда владел только оралом...

Ржавые рыцари стоят в музеях. Их начищают мазью, предназначеннной для чистки ножей и вилок. Мне кажется,

Слово о железе

Леонид ЛИХОДЕЕВ

вымым. Мир может поставить на поток сборку рыцарей и может этого не делать. Мир не должен выпускать с конвейера тракторы, обремененные броней. Мир может даже ограничить выпуск генеральских кокард, несмотря на то, что это может нанести удар по красоте и изяществу одежды. Не говоря уже о том, что мы сможем — если не сегодня, то завтра — запросто сесть в ракету и слетать на денек-другой в космос.

Но этот фельетон начинается с размышлений о том, как применять железо. Вернее, о том, как его не применять. Железо по своей глубокой сущности холодно и безразлично. Оно принимает температуру окружающей среды. И даже получив небольшую толику тепла, оно немедленно стынет. Оно таит в себе холод. Может быть, еще и поэтому из него делают мечи и орала. Мечи согреваются кровью, орала согреваются работой. Это тепло надежнее, потому что оно долговечно, потому что человеку свойственно работать, а не убивать.

Мы за надежное, долговечное тепло, мы за жизнь на этой планете!

Всю свою жизнь человек борется с холодом. Всю свою жизнь он отстаивает тепло — источник жизни. И сейчас, когда первые ракеты вырвались в космос, человек думает о том, как согреть кабину астронавта, чтобы уберечь его жизнь от вселенского холода. Холод — это, пожалуй, единственное природное явление, которое не воспевалось поэзами. И если шла речь о холоде, то только в том случае, когда надо было показать, как люди преодолевают его, либо тогда, когда он был просто бодрым лыжным морозцем.

Холодное железо и железный холод вечно значатся в общем ряду синонимов смерти... И в этот ряд включилось еще одно понятие холода, еще одна разновидность его — «холодная война». Долгое время наша планета была скована этим холодом. Я говорю — долгое время потому, что день холода гораздо длиннее дня тепла. «Холодная война» мучила человечество. И были моменты, когда она доводила до исступления тех, кто эту войну затеял. Это холод, который можно преодолеть только сообща, только протянув руки через континенты, только объединившись для общих усилий.

И вот наступил момент, когда в мире повеяло настоящим теплом. Мне кажется, что слова Н. С. Хрущева, сказанные на сессии Организации Объединенных Наций, согрели землю не только потому, что они были направлены против войны. Они согрели землю еще и потому, что каждый честный человек земли носил в глубине души эти смелые слова.

И мир облегченно вздохнул, как вздыхает человек, высказавший, наконец, свою потаенную мечту.

Миру стало легче дышать. Миру стало теплее. Надежда вышла в единобор-

гов пролив бы фантастической, комикской роман. Уэллса. После нее она стала конкретной и осуществимой. Она уважается не как мечта чудака изобретателя, а как живое, ощущимое дело, как самое веселое в мире надгробие — над холодом, страхом и недорвием...

Может быть, эту идею называют коммунистической. Она и есть коммунистическая. Она родилась у нас, она не могла родиться больше нигде.

И пока ученые будут заниматься разработкой технических проектов и поиском материалов для осуществления этого проекта, я хочу сегодня же, наверное, сообщить, что материал есть. По крайней мере, материал для основания этой плотины.

Этот материал накопился на обоих континентах в сверхдостаточном количестве. Этот материал имеет способность двигаться своим ходом, высвобождая нас от транспортных затрат. Этот материал не вызывает никаких сомнений своим качеством, потому что изготовлен из самого прочного, самого дорогого и самого холодного железа. Нет на нашей земле железа, которое было бы так не нужно, так лишне, так нецелесообразно, как то, о котором пишу!

Я пишу о танках, которые могут сами ходом, подцепив за собою пушку, двинуться наперегонки с обоих континентов к Берингову проливу, чтобы наконец, исчезнуть навсегда на дне морском.

Я помню, как на перекрытии одной из великих рек с наплавного моста в воздухе вспыхнула бетонная пирамида, чешуя похожая в вечерних сумерках танк. То ли она была бракованной, либо летела в воду в таком ракурсе, что ее концы, на которых покоялся наплавной мост, крякнули от удовольствия, когда она, похожая на танк бетонной глыбы, высекая искры из спины самовла, сорвалась в пропасть.

Так вот, не требуя никакого патента, я сообщаю, что на обоих континентах накопился в немыслимых количествах строительный материал. Холодное железо, добывное с таким трудом и пропадающее втуне!

А потом, когда молодые эскимосы в легких пальто будут гулять по плоскому, преобразившему климат земного шара, когда в Номе и Ванкувере, в Уэллсе и Охотске люди будут собирать глубинные незабудки, мы просто сделаем вид, что никаких танков и пушек света не было, что не было ни атомных бомб, ни водородных снарядов... Мы сделаем вид, что кровавые глупости кончились на самой заре человечества, что мы поумнели давно-давно. Что никаких мертвых самоходных железин земле не было никогда.

Обманем историю. Она на нас обидится...

как достижение цивилизации, чем изобретение тяжких доспехов. Но о крестоносцах написана уйма романов, а борец за чистоту столовых приборов так и умер в безвестности.

Самая заветная страсть человека — пахать землю и строить города. Конечно, пышные завоеватели ни за что не признаются в том, что их родила женщина. Они ведут свой род от бога Марса и страшно гордятся именно этим сомнительным обстоятельством. Но если спросить простодушного солдата, — он кривляться не станет. Он честно скажет, что любит именно пахать землю и строить города. Даже фельдфебели, стоящие неизмеримо ближе к богу войны, в дружеской беседе не станут скрывать этого врожденного желания.

И вот наступила эра, которая заставляет говорить о себе неслыханными словами. Наступила эра, в которую любое изобретение не кажется несущест-

вом борются с холodom.

Наше время — время исполинских размахов. Мне кажется первоочередной задачей человечества удивительная мысль, известная читателям нашей газеты. Я говорю о плотине, которую когда-нибудь построят через Берингов пролив.

Если человек научился ориентироваться в космосе, почему бы ему не применить свои силы для переоборудования земного шара, который в конце концов представляет собою всего-навсего космическое тело?

Я говорю об этой плотине потому, что мысль о ее создании приходила в головы хороших людей, вероятно, давно. И теперь, после того, как глава Советского государства совершил миссию, которую ждал весь мир, — говорить о плотине можно как о реальности. До этой миссии идея плотины через Беринг-

ва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат изни — К 4-03-48. отделы: литература народов СССР — Б 8-59-17, информации — К 4-08-66

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Лит. 203
и 14. XII. 59

Л. Лайцен, А. Упит, И. Судрабоки и В. Лацис своими произведениями подняли латышскую литературу до уровня великих литератур именно потому, что их творчество пронизывают благородные прогрессивные идеи, что эти писатели защищают высокие идеалы борьбы за социализм, они противники мещанства, всего мелкого и обывательского в отношениях, действиях и мыслях людей. В их книгах воплотилось истинное новаторство большей литературы, которой свойственна органическая слитность содержания и формы. Это подлинное новаторство!

У современной латышской литературы есть неоспоримые достижения во всех жанрах. Есть интересные романы, рассказы, пьесы, стихи. В настоящее время мы переживаем период исканий в области новых форм художественного изображения. Остро стоят вопросы профессионального писательского умения. Стимулом служит стремление советского народа работать по-коммунистически, призыв партии к советским писателям сделать нашу литературу первой в мире и по художественному мастерству.

Но еще встречаются книги мелкие, созданные в угоду мещанским вкусам. Поэтому все активные силы латышской советской литературы должны занять еще более боевую позицию, борясь против фотографирования «необычайностей», против субъективизма, против того, что искает подлинные черты нашего героя-современника, затеняет величие его труда. Именно у этой благородной традиции — будущее.

Ян НИЕДРЕ

РИГА

шур руку, а выдвигая один из листков моей картотеки, тот, на котором написано: «Новые советские имена», и чудеса начинают являться на свет друг за другом.

Человека зовут ВТОРПИТ: Вторпйт Иванович. Лет ему двадцать пять, может, чуть больше. Вторпйт? Что бы это могло обозначать? «Вторичное питание»? «Вторник перед июльским теплом»?

Не ломайте голову: догадаться нельзя: Вторпйт — это «ВТОРАЯ ПИТИЛКА», человек родился в начале 30-х годов. Трогательно, а? Если хотите, трогательно; но ему-то самому каково — Вторпиту? Да, конечно: появился на свет он в северной глуши, в медвежьем углу, у полуграмотных, но очень хороших родителей. Однако с тех пор он давно уже стал инженером, кандидатом наук, советским интеллигентом, отцом двух дочерей. Вырастут они, и каждому новому знакомому должны будут объяснять заново: Ольга Вторпитова, Ирина Вторпитовна... Простили, а почему?.. Ужасно!

А вот другой гражданин — плечистый, черноусый моряк. Его зовут Мишай, но это — «со слов»: по паспорту он Миледи. Его папа обожал Александра Дюма; не знаю, что творилось у папы в голове, но маленького сына (мальчишку) он назвал «Миледи».

Я знаю и другой случай. Талантливый математик, человек, как говорится, «не от мира сего», уезжая в командировку, потребовал: если родится сын, назвать его ИНТЕГРАЛОМ. Он страшно опасался, что молоденькая женщина-художница в последний миг смалодушествует, даст дитяти какую-нибудь пошлую и бессмысленную кличку — Вита, Петя, мало ли их...

Все шло как нельзя лучше. Потом стала Идеей Ивановской — смешновато, в куда ни шло. А затем ей вздумалось выйти за отличного парня с не слишком звучной фамилией, и вот она — Идея Глупова. Поистине добрым намерениям путь в ад вымощен!

Или — еще пример: как можно выражать против имени Венера? Венера Милосская! Венера Медицейская! Боги любви и красоты! Великолепно!

Но, во-первых, можете ли вы порчиться, что ваше чадо окажется похожим на пенорожденную, златовласу Киприду? А вдруг она отпечатается вся в тетю Дунечку, окажется маленькой веселой толстушкой? Каково будет носить тогда над круглым лицом медноблестящий гребень пышной эллинского имени?

А во-вторых, и того опаснее. В моей картотеке записан случай, когда однажды Венеру коварно подвел ее близкий родич, бог брака Гименей. Она вышла замуж за человека, носящего игрушечную фамилию Попрыгун. Как же теперь ей выйти из положения?

Вопрос, поднятый здесь, на первый взгляд кажется мелким: такое имя, драгое... Переведут; в крайнем случае переименуются! Ах, не так-то все это просто... Ведь множество молодых людей (а особенно девушек), едва выйдя в лета, начинают судорожно ликировать причуды пап и мам. ЦВЕТОЧКА*, про которую в паспорте записана, что ей дано имя «ЦВЕТ ВИШНИ ВОГО ДЕРЕВА В МАЕ», под шумом стала сначала СВЕТОЧКОЙ, как Светлана, а потом и ВЕТОЧКОЙ, переде-

* Все приведенные в статье имена и фамилии реально существовали и зарегистрированы в картотеках автора и других соратников.

Исполнилось 70 лет со дня рождения Остапа Вишни. В переполненном зале Дома литераторов в Киеве собрались друзья Остапа Вишни, его товарищи по перу, его ученики. Вечер открыл О. Гончар.

С докладом о жизни и творчестве О. Вишни выступил А. Ищук. Воспоминаниями поделились В. Сосюра, П. Панч, П. Воронко, В. Минко, А. Ко-вилько.

Сегодня мы публикуем отрывки из дневников Остапа Вишни, впервые напечатанные в журнале «Дніпро».

— Спасибо! Спасибо, что заступились за нашего Федосия Ивановича! За нашего учителя!

И какова же была моя радость, что люди не забывают своих учителей...

15 мая 1949 года. Для литературы, по-моему, прежде всего нужна — честность.

А затем уже гений, талант, способности и прочие «атрибуты» литературы.

Тогда будет литература!

12 декабря 1949 года. Сегодня получил письмо из Москвы. Какая-то там заминка с изданием моего сборника в «Крокодиле».

Неужели никто не понимает, что меня это ничуть не беспокоит. Издадут — так издадут! Не издадут — значит, не издадут!

Спасибо вам всем, мои дорогие рецензенты, за ваше мнение о моей работе! Пишите, что хотите, говорите, что знаете!

Мою работу рецензировал народ! Говорю это, несмотря на то, что факт, склонив пе-

зу.

и moi, что, взяв-
никогда не думал
и подсобном. Я на-
сидит в литературе на-
чак-нибудь чертолов-
док Н. и примеры. Вараждай, укоряясь с бы-
стрыми побегами

19 декабря 1949 года. Вы когда-нибудь видели приказчика в литературе?

Он выглядит так:

— Чего изволите? Ямб? На сколько порций?!

Есть такие! Ну, бог с ними.

19 декабря 1949 года. Расписался...

Ну, хорошо — Вишня уже есть. Так вышло... Жизнь изменяется. Люди другие, переменились... «Мы уж не такие, как были», и т. д. Все это так. Все это верно. А литература? Я ведь понимаю, что мы пишем не то и не так, как когда-то... А отыскивал ли кто-нибудь из нас новые слова (да, да — слова!)? Новые литературные ситуации, новые приемы, даже новые запятые... Вы понимаете, о чем я хочу сказать! Я уж старик, занимаюсь литературным трудом тридцать лет! — но я стремлюсь, хочу, до боли хочу! — сказать такое какое-нибудь слово и в такой какой-нибудь новой ситуации, чтобы и мы, писатели, не плелись в хвосте жизни...

Бот! Преобразование природы... Не будет пустынь, песков, черных бурь Леса... Деревья... Водоемы...

А в литературе? Разве в литературе нет пустынь, нет буераков, черных бурь, суховея? Почему же мы не боремся (решительно!) за насаждения новых дубов в литературе?

Не думайте, что я не вижу разницы между лесом и литературой! Вижу!

Но для того, чтобы посадить или посеять что-то новое, надо бурьян выполоть... Полоть надо! А мы разве взялись за это?

Сидит в литературе на-
чак-нибудь чертолов-
док Н. и примеры. Вараждай, укоряясь с бы-
стрыми побегами

ствовал, полк-
торая так бли-
матна, как ро-
калина в мое
внука Павлу!

23 января

Это — не вле-

И как радо-

но!, чтобы ч-

И как радо-

Одно тольк-

зайца.

А дед — в

Перед вну-

8 февраля

Если бы я

зовался от п-

ли бы?

Да меня б

Вишня —

Так я вам

ратурную жиз-

что-нибудь не

лось мне это

...Ей-богу,

подходил к ч-

рочной деву-

не мог к это-

На склоне

— Ах, как

— А она

— И я ее!

И я счастл-

и, потому что

— И я ее!

И я счастлив,
нить любить лит
Спасибо судьба
28 июня 1952
Не люблю я п
Однако мне ж
какие факты.

Возвратился из
В Харьков. В Хар
П. К. Саксаганск
Франковцы (и
го. Встречал и П
Помню.

Выходит из в
слезы текут по л
Саксаганский с
были в ссоре).

Я прислушива
своему величим
Что он сказал
Панас широко
груди и произне
— Микола, д
И все!

Был когда-то
Харькове, грузин
шили.

и мы разве взялись за это?

Сидит в литературе какой-нибудь чертопох, Н. к примеру. Разросся, укоренился, с виду как будто бы и хорош, а в действительности: растет, высасывает из литературы соки, а для литературы от него пользы никакой.

Да разве мало таких?

А соки для них подавай!

7 июня 1950 года. Всю жизнь быть юмористом! Господи! С ума можно сойти от скучки!

23 февраля 1951 года. Вот я думаю: что нужно для того, чтобы иметь право над человеком посмеяться, высмеять, даже поиздеваться над близким тебе человеком? Не над врагом. Врага надо бить, убивать...

А вот над родным тебе человеком, как над ним можно посмеяться, чтоб его не обидеть?..

Тот смех, который не обижает, а вылечивает, воспитывает человека, возвышает...

Нужно народ подтягивать до понимания смеха, хорошего, светлого того смеха, каким мы при коммунизме будем смеяться...

5 ноября 1951 г. Нужно перевести «Ревизора» Гоголя на украинский язык. И все. Никогда я не чувствовал себя таким бессильным, таким ничемным, как перед «подвигом» — перевести «Ревизора». Только с М. Ф. Рыльским как редактором я могу рискнуть взяться за это. Есть бог? Или нет? Помоги мне, господи, свершить сей труд! Так сделать, чтобы народ наш почув-

никогда не думал
и подобном. Я на-
гляд, могло дать

у. Значит, жил я

и очень ошибался.
азать, что никогда

и.
иойметел), что, ког-
ня приветствуют
домой и падаю,
ерзаясь!):

Я ведь ничего до-
о народа не сде-

овы — я понимаю

иему я должен вы-
ишу должен болеть,
и в литературу?
цем, душой, болью
ак больно за каж-
ровалы» в литера-
дение в личной

тальной чистоты,
исталлах и чисто-